

Альберто Моравиа Девушка из Чочарии

Профессор настаивал, а я все время повторял ему: "Осторожнее, профессор, эти девчонки слишком простые, деревенщина... Подумайте, что вы делаете... Лучше вместо нее взять кого-нибудь из Рима... Все чочарки деревенские, неграмотные". Последнее слово особенно понравилось профессору: "Неграмотная... Это мне как раз и требуется... По крайней мере она не будет читать комиксы... Неграмотная". Профессор был пожилым человеком с белой острой бородкой и усами, он преподавал в лицее. Но основным его увлечением были развалины. Каждое воскресенье и даже в другие дни он ходил то туда, то сюда: на улицу Аппиа, в Римский Форум, или в Термы Каракаллы, - и рассказывал о развалинах Рима. А дом у него был завален книгами по развалинам и разными другими, как библиотека. Они начинались у входа, где их было порядочное количество, прикрытых какими-то зелеными занавесками, и далее были разложены по всему дому: в коридорах, комнатах, кладовках, только в ванной и на кухне их не было. Эти книги он берег как зеницу ока, и горе тому, кто осмелился бы тронуть их. Казалось невозможным, чтобы он все их прочел. И все равно, как мы говорим в Чочарии, он никак не мог набить себе брюхо, и когда он не был в лицее, или не давал уроки на дому, или не рассказывал о развалинах, он ходил на рынок подержанных книг, копался в них и затем выходил оттуда со стопкой книг под мышкой. В общем, он собирал коллекцию, так же, как мальчишки коллекционируют марки. И для меня было загадкой то, почему он настаивал на том, что хочет нанять служанкой девушку именно из моей местности. Он говорил, что они честные, и у них нет дурных мыслей в голове. Говорил, что деревенские девушки радуют его своими щечками, красными, как яблоки. Говорил, что они хорошо готовят. Так как не было и дня, чтобы он не заглянул ко мне в швейцарскую с разговорами о неграмотной девушке из Чочарии, я написал приятелю, и он ответил мне, что есть тут как раз на примете одна девушка по имени Туда, которой не было еще и двадцать лет. Но, как написал мне приятель, у Туды был один недостаток: она не умела ни читать, ни писать. Но я ответил ему, что это как раз та, которая нужна профессору - неграмотная.

В Рим Туда приехала вечером вместе с моим приятелем, и я поехал встречать ее на вокзал. С первого же взгляда я понял, что это была настоящая Чочарка, из тех, что могут работать в поле с утра до вечера без отдыха, или ходить по горным тропам с пятидесятикилограммовыми корзинами на голове. У нее были, красные щеки, которые так нравились профессору, коса, обмотанная вокруг головы, черные соединенные брови, круглое лицо, и, когда она улыбалась, она обнажала свои белые зубы, которые женщины в Чочарии чистят листом мальвы. Она была одета не как Чочарка, это так, но у нее была характерная чочарская походка: она не касалась каблуками земли. У нее были мускулистые икры, которые очень красиво смотрятся, обмотанными ремнями - частью чочарской обуви. В руке у нее была корзинка, и она сказала, что это для меня - дюжина яиц дневной давности, в соломе, прикрытых фиговыми листочками. Я сказал, что лучше отдать их профессору, чтобы произвести хорошее впечатление, но она сказала, что и не думала о профессоре, потому что каждый господин должен иметь курятник в доме. Я рассмеялся и, слово за слово, пока мы ехали домой в трамвае, понял, что она была настоящей дикаркой: она ни разу не видела ни поезда, ни трамвая, ни шестиэтажных домов. В общем, безграмотная, как и хотел профессор.

Мы приехали домой, и я сначала отвел ее в швейцарскую, чтобы познакомить со своей женой, затем мы поднялись на лифте в квартиру профессора. Он сам открыл дверь, так как у него не было прислуги; работу, связанную с уборкой и приготовлением пищи, обычно выполняла моя жена. Как только мы вошли, Туда отдала ему в руки корзину и сказала:

- На, профессор, возьми, я принесла тебе свежих яиц.

Я сказал ей:

- Профессору нельзя говорить "ты".

Но профессор наоборот одобрил:

- Называй меня на "ты", дочка.

Он объяснил мне что это было римское "ты", древние римляне, как и жители Чочарии, не знали "вы" и обращались друг к другу просто, как будто это была одна семья. Затем профессор отвел Туду на кухню. Кухня была большая, с газовой плитой и алюминиевыми кастрюлями, в общем, всем необходимым, и объяснил ей, как все работает. Туда все выслушала молча и серьезно. Наконец, она сказала своим звонким голосом:

- Но я не умею готовить.

Удивленный профессор спросил:

- Как? Мне сказали, что ты умеешь готовить.

- В деревне я работала... с мотыгой. Да, мы готовили, но это так, лишь бы поесть. А такой кухни, как эта, у меня никогда не было.

- А где ты готовила?

- В шалаше.

- Гм, - сказал профессор, поглаживая бородку, - мы тоже готовим так, лишь бы поесть... допустим, тебе надо приготовить мне обед, лишь бы поесть, что ты будешь делать?

- Приготовлю тебе макароны с фасолью, потом ты выпьешь стакан вина... ну и поешь орешков или инжира.

- И это все... ничего на второе?

- Как на второе?

- Я говорю, никакого второго блюда: мяса, рыбы?

На этот раз она рассмеялась от души:

- Но если ты съешь макароны с фасолью с хлебом, разве тебе этого не хватит? Чего тебе еще надо? Я после тарелки с макаронами с фасолью с хлебом работала мотыгой целый день. А ты даже не работаешь.

- Я тоже работаю - учу, пишу.

- Ну и будешь учить. Но настоящую работу делаем мы.

В общем, ее невозможно было убедить, что было нужно, как говорил профессор, "второе". Наконец, после долгих разговоров, мы решили, что моя жена какое-то время будет учить Туду готовить. Затем мы прошли в спальню для служанки, красивую комнату, с кроватью, комодом и шкафом, окна выходили во двор. Оглянувшись вокруг, она тут же сказала:

- Я буду спать одна?

- А с кем ты хочешь спать?

- В деревне мы спали впятером в одной комнате.

- Эта - вся для тебя.

Наконец, я ушел, сказав ей, чтобы она была внимательной и хорошо работала, потому что я был за нее в ответе как перед профессором, так и перед приятелем, который прислал мне ее. Уходя, я услышал, как профессор объяснял ей:

- Все эти книги ты должна протирать каждый день метелочкой из перьев и тряпочкой.

Она спросила:

- А что ты делаешь со всеми этими книгами, для чего они тебе?

- Они для меня то же, что и для тебя мотыга в деревне, я с ними работаю, - ответил он.

- Да, - сказала она, - но у меня только одна мотыга.

После этого профессор время от времени заходил в швейцарскую и рассказывал мне о Туде. По правде говоря, он уже не был таким довольным. Однажды он сказал мне:

- Она деревенская, очень деревенская, знаете, что она вчера сделала? Она взяла с моего стола исписанный листок, работу одного ученика, и использовала его для того, чтобы закупорить бутылки с вином.

- Профессор, я же вас предупреждал - это деревенщина.

- Это да, но она очень милая девушка, - заключил профессор, - добрая, услужливая... Милая девушка.

Милая девушка, как он ее называл, через некоторое время начала превращаться в обычную девушку, как все остальные. Она начала с того, что, получив свой первый заработок, купила себе облегающий костюм, в котором она смотрелась, как настоящая синьорина. Потом она купила себе туфли на высоком каблуке. Затем сумочку из искусственной крокодиловой кожи. Она даже косу себе отрезала - настоящий грех. Но щеки ее по-прежнему оставались красными, как яблоки, они не могли так быстро стать такими же бледными, как у девушек, родившихся в городе, и вот они то как раз и нравились, и не только профессору. Когда я увидел ее в первый раз с этим неудачником Марио, шофером синьоры с третьего этажа, я сказал ей:

- Он тебе не пара. То, что он говорит тебе, он говорит всем.
- Вчера он возил меня на машине на мост Марио.
- Ну и что?
- Мне нравится ездить в машине. И потом смотри, что он мне дал.

И она показала мне булавку из белого металла со слоником, из тех, что продают на Поле Цветов. Я сказал ей:

- Ты наивная и не понимаешь, что он водит тебя за нос. Хотя ему и не следовало бы ездить с тобой на машине за свой счет... Если синьора узнает, попадет ему, но все же будь осторожна, еще раз повторяю, будь осторожна.

Но она улыбнулась в ответ и продолжала и дальше гулять с Марио.

Прошло две недели, когда однажды профессор заглянул ко мне в швейцарскую, отозвал меня в сторону и тихим голосом спросил меня:

- Послушайте, Джованни, эта девушка честная?
- Это да, профессор, неграмотная, но честная.
- Наверное это так, - сказал профессор, не очень убедившись, - но у меня пропали пять ценных книг... Я не хотел...

Я еще раз сказал, что Туда не могла этого сделать, и что книги скоро найдутся. Но этот факт меня очень озадачил, и я решил быть более внимательным. Однажды вечером, несколько дней спустя, я увидел, как Туда и Марио вместе входят в лифт. Он сказал ей, что ему нужно было зайти на третий этаж, чтобы получить распоряжения синьоры, и это было ложью, потому что синьора уже час как ушла, и он об этом знал. Я позволил им подняться, затем сам вызвал лифт, поднялся и направился прямо в квартиру профессора. Случилось так, что они оставили дверь открытой. Я вошел, прошел по коридору, услышал, о чем они разговаривали в кабинете и понял, что не ошибся. Я тихонько заглянул в комнату, и что же я увидел? Марио встал на стульчик и тянулся к книжному ряду под потолком, а она, святая девушка с красными щечками, поддерживала стульчик и говорила:

- Там наверху... Эта большая, красивая... Эта большая, красивая в коже.

Тогда я вошел в комнату и сказал:

- Умница. Молодцы. Я вас поймал. Молодцы. И профессор, который мне это сказал, и я, который этому не верил... Ну просто молодцы.

Вы когда-нибудь видели кота, на которого вылили ведро воды из окна?

Так же и он, услышав мой голос, вскочил и убежал, оставив меня наедине с Тудой. Я наговорил ей такого, от чего другая, по крайней мере, разрыдалась бы. Но с Чочарками, как известно, это другое дело. Она выслушала меня молча, склонив голову, затем подняла сухие глаза и сказала:

- Кто его обокрал? Сдачу, которая остается у меня от покупок, я ему приношу всю. Я никогда не делаю так, как другие служанки, которые за каждую вещь берут по двойной цене.
- Бессовестная. А книги ты не крадешь? Это разве не воровство?
- Но ведь у него много этих книг.
- Много или мало - ты не должна их трогать. И запомни, если я тебя еще раз поймаю, ты тут же поедешь обратно в деревню.

Сначала она, упрямая, не хотела ни слушать меня, ни допустить того, что она совершила кражу. Но вот, через несколько дней она входит ко мне в швейцарскую и

приносит под мышкой стопку книг.

- Вот они, книги профессора, я их возвращаю и пусть он теперь не жалуется.

Я сказал, что она хорошо сделала и про себя подумал, что она была, все-таки, хорошей девушкой, и во всем был виноват Марио. Мы зашли в лифт, и вошел вместе с ней в дом, чтобы помочь ей положить книги на место. Как раз в тот момент, когда мы их разворачивали, вошел профессор.

- Профессор, вот ваши книги, - сказал я. - Туда нашла их. Она давала их своей подруге посмотреть картинки.

- Хорошо, хорошо, забудем про это.

Не снимая пальто и шляпы, он направился к книгам, взял одну, раскрыл ее и вскрикнул:

- Но это не мои книги!

- Как не ваши?

- Это были книги по археологии, - продолжал он, лихорадочно перелистывая страницы томов, - а эти пять томов - по праву, и, к тому же, разрозненные.

- Ты что сделала? - сказал я Туде.

На этот раз она уверенно оправдывалась:

- Я взяла пять книг и пять вернула. Чего вы от меня хотите? Я за них много заплатила, больше тех денег, за которые их продала.

Профессор был так ошеломлен, что смотрел на меня и на Туду с открытым ртом, не говоря ни слова. Она продолжала:

- Смотри, такой же переплет, даже еще красивее, и вес такой же. Мне их взвесили. 4 кило 600, как и твои.

На этот раз профессор рассмеялся, хотя и горьким смехом:

- Но ведь книги не ценятся на вес, как телятина, каждая книга отличается от другой. Что я буду делать с этими книгами? Не понимаешь? Все книги содержат разные вещи, разных авторов.

Попробуй убеди ее. Она упрямо продолжала:

- Было пять и сейчас пять. Были в таком переплете и сейчас в таком же. Ничего не знаю.

Кончилось тем, что профессор отправил ее на кухню, сказав ей:

- Иди готовить. Хватит. Не хочу портить себе кровь.

Затем, когда она ушла, он сказал мне:

- Очень жаль. Она, конечно, милая девушка, но слишком деревенская.

- Вы сами такую хотели, профессор.

- Это моя вина, - сказал он.

Туда еще некоторое время оставалась у профессора, чтобы подыскать себе другое место. Она нашла его - работу судомойки в молочной лавке. Иногда она заходит к нам в швейцарскую. О случае с книгами мы с ней не говорим. Но она сказала мне, что сейчас учится читать и писать.